

М а й 2 0 0 1 г.

Письмо Володи Опекунова от 3 мая 2001 г.

г. Лунинец

Уважаемый Александр Андреевич!

Очень рад был Вашему письму, которое я получил 30 апреля. Сразу была внесена некоторая определённая в мои дела, которые сами развиваются в том духе, который Вы указываете. Действительно, вложить деньги в заведомо неоправданное дело можно, но потом всю жизнь будут кошки скрести по душе. А тут ещё предстоят расходы в связи с летними отпусками. По настоянию Раи, а без неё никакие дела не делаются, мы не стали тратить деньги на наборщицу, а купили сканер "Мустек 1200" и модем. Текст хорошо воспринимается и распознаётся. Так что я надеюсь, что уже в ближайшее время буду иметь роман в электронном виде.

При подключении модема помогал нам университетский товарищ Андрея, я сразу попросил детей выйти на Ваш сайт. В первую же минуту появилась Ваша фотография и всё содержание книги. Потом пошла длительная загрузка, и мы отложили приём текста на будущее. Саша вполне освоился в Интернете и выбирает себе материал по каратэ и автомобилям. По возможности я учу его водить машину, и ему всё это сейчас интересно. Так что, действительно, я хватил через край, пытаюсь и Митю втянуть в свои дела. Что же касается Вас, Александр Андреевич, то Ваше внимание к себе я ценю очень высоко и уверен, как говорят евреи в романах Фейхтвангера "это Вам обязательно зачтётся" как акт абсолютного добра, а, может быть кто-то вот так же поможет Вашим детям. Для меня же сейчас, да, наверное, и всегда так будет "в открытом море не обойтись без кормчего". Это китайская песня о Мао.

Сам я тоже по мере сил пытаюсь помогать людям, переписываюсь с одним аспирантом-историком из КГУ, с которым нам довелось участвовать в книге воспоминаний А.Н.Хованского. Мой сын Илья учился с ним в одной группе и характеризовал его как человека, безмерно увлекающегося чем-либо типа русской идеи. А недавно этот аспирант прислал мне гневное письмо в ответ на мои опасения относительно ислама и сообщил, что он - мусульманин. Я обещал Игнатьеву, так его фамилия, в качестве корректора прочитать присланную им книгу, его перевод с санскрита. В моём романе есть немного мистики, так вот я заметил, что сначала ко мне вернулся иврит, в качестве предмета, который изучает Илья, а теперь вот и санскрит. В моём романе есть слова: "они говорят, на санскрите, как мы по-английски". Мистику я также усмотрел в газетной заметке ("Вечерний Минск") "Лось в городе". В ней сообщалось, что милиция наконец-то задержала известного авторитета по кличке "Лось". В моём сценарии самого главного бандита также зовут "Лосем". В то время как я ходил по Минску в поисках правды в связи с поправками авторскими правами, милиция брала этого авторитета.

Конечно, я был бы не против, если бы милиция занялась и теми, кто похитил треть моего сценария, но это оказалось из области мечты.

Тот вариант с ризографом предполагал включение иллюстраций. Это дело идёт, слава Богу, без финансовых затрат. Художник Августинович, который делал Кузнецову иллюстрации, скорее просто наброски прямо в текст, взялся доработать мои рисунки, которые он оценил очень высоко. Сказал, что любой профессиональный художник может сделать рисунок по теме, но дух романа при этом потеряется. Другой художник, мой сосед по дому, повторил эти слова и достал с полки книгу о Марке Шагале: "Смотри, как он иллюстрировал "Мёртвые души", твои рисунки гораздо лучше. А ты думаешь, он не смог бы нарисовать нормально? Смог бы, но это никому не интересно". Я сделал ксероксы со своих рисунков форматом А3, Августинович кладёт их на стекло и сверху на листе белой бумаге обрисовывает и дорисовывает тушью. Я высылаю Вам в качестве иллюстраций к этому письму два рисунка в обработке Августиновича. Мне так не сделать.

С Августиновичем меня познакомил Кузнецов, очень доброжелательный и внимательный человек, мы встречаемся в мастерской Августиновича. Мне был интересен путь, которым Кузнецов пришёл к порнографии. Со временем он проявился. Кузнецов воспитывался в строгости в семье русского старовера, начальника районного масштаба, который на пенсии стал фермером и до сих пор в свои семьдесят лет не опускает рук. После аспирантуры в связи со снятием темы "Социалистическое плановое хозяйство" Кузнецов ушёл из Нархоза на телевидение, а потом один издатель взял его главным редактором в газету "Бульвары и улочки", явный намёк на бульварную прессу. Хозяин требовал порнухи, чтобы газета продавалась. Его отношения к делу и самому Кузнецову немного описаны в романе Кузнецова. Кузнецов стал раскрепощаться, снял с себя всякие запреты, сначала в публикациях, а потом и в жизни, чему способствовал и его развод с женой, в чём он обвиняет только её. Как главного редактора его вызывали в КГБ, но Кузнецову удалось убедить чекиста, что никакие законы не нарушаются, после чего осмелевший Кузнецов пошел ещё дальше и продолжал бы своё дело, если бы вдруг не обнаружилась его способность к длительным запоям, вплоть до реанимации. Запой продолжается 10-12 дней, за это время выпивается ящик водки и пол-ящика вина, а пища почти не принимается. Выход из

запой описан Кузнецовым в первой главе его нового романа. Вещь такая же, как и его первое произведение. Кузнецов считает, что он нашёл себя в подобной литературе, а недавно давал мне почитать Лимонова "Это я, Эдичка". Вещь безобразная, а сам Лимонов явно деструктивный психопат с манией величия и комплексом неполноценности. Интересно, что на другой день я увидел по телевидению видеоролик из архива ОРТ: Лимонов идёт в колонне национал-большевиков. После чего диктор сообщила, что Лимонов задержан ФСБ за хранение на квартире взрывчатых веществ.

Вполне возможно, что "протест против Вселенной", по образному выражению одного русского философа о революции и революционерах, у Кузнецова возник как реакция на суровое воспитание в детстве и последующие неудачи, а, может быть, это просто удовлетворение потребностей времени, так, как они формируются. Во время наших встреч, в мастерской Августиновича Кузнецов не пьёт, а мы распиваем бутылку вина. Августинович работает на рынок, хорошо распродаются его акварели, причём никто не знает, в чём причина успеха, так как мотивы покупателей никто не изучает.

Августинович работает с 9 утра до 9 вечера и не устаёт. Кузнецов говорит, что нельзя переутомиться на любимом деле, так как оно только в радость. Августинович никогда не работал преподавателем, говорит, с трудом подбирая слова, но в области изобразительного искусства образован предостаточно. Я как-то посмотрел по телевидению фильм о грузинском художнике, который подходит под определение примитивистов. Августинович тут же назвал его фамилию и рассказал некоторые подробности о нём.

Во время наших встреч Августинович обрабатывает мои рисунки, а мы с Кузнецовым ведём диалог о русской душе, соборности, скифах и сарматах. Ещё в молодости Кузнецов задумал написать роман о гуннах, изучил материалы по этой теме и развил сюжет, но жизнь толкнула его на другой путь, о чём он жалеет. Как-то он давал мне почитать Павича, самого цитируемого в Интернете автора, и мы несколько встреч посвятили обсуждению его "Хазарского словаря". Павич стоит того, чтобы превозносить его. Он купается в христианской, еврейской и исламской культуре. Его тексты добры, а я воспринимаю Павича как примирителя культур, предтечу будущей идеологии, противники которой называют её глобализацией. Кузнецову я благодарен, что он способствует моему образованию, он терпелив и ненавязчив.

С Кузнецовым меня познакомил Юрчук. На одной из книжных выставок у меня состоялся разговор с издателем, который скрывался под личиной какого-то детского фонда. Предлагал мне издать за мои 900 долларов мой роман, а взамен выдать мне 200 авторских экземпляров. Этот разговор подслушал стоящий рядом мужчина лет 40, очень плотный, ростом около 175 сантиметров и очень злобный. Он отвёл меня в сторону и сказал приблизительно следующее, употребляя матерные слова. Эти издатели - откровенные подонки, негодяи, рвачи и жулики, наживаются на крови писателей. Наша задача - уничтожить их морально как класс, а была бы возможность, и физически. Но если это сделать, то некому будет издавать книги, а посему их надо только презирать. Далее он представился как автор 12 книг и трёх брошюр, профессиональный писатель, абсолютно ни от кого не зависящий и свободный в своём творчестве. Видя мою позицию в разговоре с издателем, он поразился моей наивности и незащищенности, а посему и предлагает мне своё покровительство и защиту перед негодяями. Впоследствии Кузнецов расценил этот акт как средство завлечь жертву в сети вампира. Юрчук проходит в романе Кузнецова, и я могу догадываться, как складывались их отношения. Юрчук оказался неистовым автором, не считающимся ни с кем и ни с чем. Клокочущая энергия, никем не управляемая.

Юрчук десять раз ездил в Москву и два раза удачно, удалось продать и переиздать его книгу о Конфуции, её купил какой-то буддийский храм, а, может быть, конфуцианский. По результатам мытарств Юрчук за осень 2000 года написал роман "Московская богема", который и предложил мне прочитать в виде компьютерного набора до вёрстки. Я прочитал несколько книг современных авторов, в том числе Фридриха Незнанского и т.п., и видел огрехи набора и вёрстки, поэтому воспринял поручение Юрчука как важное задание. Набор обрабатывался программой, но, видимо, она не содержала слова типа "реминисценция". Опечатки встречались на каждом шагу. Я читал текст со скоростью 15 страниц в час на круг, в то время как обычно читаю 30 страниц в час. Я сделал несколько страниц замечаний и поехал к Юрчуку.

Юрчук никого не принимает в своей однокомнатной квартире, которая является для него местом священнодействия, а встретиться предложил на квартире его подруги. Обозначая важность встречи, он в моём присутствии смешал содержимое бутылки коньяка и полбутылки белорусского бальзама, мы выпили, и я приступил к замечаниям. Мне казалось, что чем больше и существеннее будут замечания, тем лучше для автора, я как бы прикрываю его от дальнейших ударов. Юрчук же каждое замечание, даже по не поставленной запятой, воспринимал как личное оскорбление. По стилю я ему сказал, что лично мне, например, непривычно такое изобилие сдвоенных слов типа "близнецы-братья". Юрчук не только двойит, но и тройит: "бреттер-войка-воин". То же он делает и с синонимами: он их выстраивает в ряд. В перечислениях типа: "идут Иван, Пётр и Павел", Юрчук пишет: "Идут Иван, Пётр, Павел". В то время как в русском языке принято обозначать-закрывать перечисление союзом "и". Я сейчас использовал стилистический приём Юрчука, чтобы показать насколько он заразителен, к концу книги я уже не испытывал сопротивления по этому поводу. Юрчук подавил меня своим текстом, и я вспомнил слова Кузнецова о его вампиризме.

Текст Юрчука оказался на моё удивление достаточно корректным, ровным и даже спокойным, по сравнению с ним самим. Я заметил, что некоторые места преувеличенно пафосны. Например, автор пишет: "Он сел и написал следующую гениальную статью". Далее приводится текст гениальной статьи. В то время как принято говорить о гениальности в прошедшем времени. Да, мол, оказался гениальным, но никто этого тогда не заметил. Кроме того, замечено, что статья написана в стиле автора, и другие герои тоже говорят в этом же стиле. Речь героев полностью воспроизводит стиль автора и несколько не характеризует их.

Если замечания по орфографии Юрчук воспринимал довольно терпимо, то по стилю его уже не хватило. Он начал громко кричать и бесноваться. Я вспомнил, что он шесть лет отсидел в тюрьме, избил и ограбил негра в свою бытность студентом Политеха, два года отработал фрезеровщиком, а потом за смиренное поведение был назначен библиотекарем, где и увлёкся литературой, особенно им любимой французской литературой 19 века. Он начал бить себя в грудь и кричать, что он и есть настоящий гений, которому наплевать на признание потомков, так как он уже сейчас в себе полностью уверен.

На обратной стороне обложки должно быть представление автора, который назвал себя самобытным писателем и одновременно крупным нейрофизиологом. По поводу нейрофизиологии я заметил, что нельзя быть крупным и самобытным нейрофизиологом, так как нейрофизиологи, как правило, формируются внутри коллективов, которые и не позволяют делать залёты в несусветные дали, так как всё ограничивается конкретными исследованиями. Эти мои слова вызвали очередную бурю гнева, но до рукоприкладства Юрчук не дошёл, а очень даже вежливо проводил меня на метро. Юрчук, как и Кузнецов, находится под впечатлением Вашего письма, Александр Андреевич, что и обеспечивает мне достаточное уважение этих авторов.

Юрчук покровительствует мне и возит мои предложения по изданию романа в Москву. Результаты, правда, никаких. Читая книгу Юрчука я понял, что я сильно внушаем. Принял его стиль и заметил, что местами стал писать как он. По этому доводу Кузнецов сказал, что больше читать Юрчука не надо, как вампира, и лучше вообще не читать, а писать. Кузнецов, как и я временами, уверен, что пишет не он сам, а какая-то сила водит им, реализуя себя. Это же касается и его запоев. Врачи сказали ему, что шестого запоя он не переживёт. Так Кузнецов и ходит под дамокловым мечом. Такие рассуждения можно расценить как признак распада личности, потери воли и самого себя. Кузнецов за два дня прочитал мой текст и похвалил его. Он и торопит меня, как и себя, так как время уходит безвозвратно.

Все эти люди кажутся мне немного странными, а вот первый мой читатель и редактор давно лежит в сырой земле, и я чувствую вину перед ним и его детьми, так как не спас его от самоубийства. Он покончил с собой в 37 лет, как и его отец, и тем же способом. Рая предлагала ему лечь в стационар, но он собирался покупать автомобиль и получать права, для чего нужна справка от психиатров. Интересно, что его дядю, брата отца, хирурга, удавалось выводить из таких состояний, и только на пенсии он не устоял. В Раиной литературе я нашёл указание о генах, приводящих к самоубийству. Вспоминаются слова моей матери, народной мудрости: "написано на роду".

Запойный ген Кузнецова достался ему от отца, который нашёл в себе силы и уже тридцать лет не берёт капли алкоголя.

И только художник Августинович запоем пишет маслом и акварелью, и внешне кажется счастливым человеком. Психологические и физические нагрузки всех этих людей мне кажутся ничтожными по сравнению с теми, которые переносите Вы, Александр Андреевич, поэтому приходится только восхищаться Вашим здоровьем, дай Бог сохранять его Вам как можно дольше.

Ген агрессии Юрчука заставляет его проламывать двери. Он вырвал у своего минского издателя аванс в 900 долларов под две книги, прошёл почти год, но книги не издаются по каким-то причинам, издатель злится, но Юрчук по этому поводу спокоен: это их дело, я аванс получил и вернуть его обратно они меня не заставят. Конфликт всё же есть, и он привёл к тому, что издатель не дал справку Юрчуку на участие в Букеровском конкурсе, для чего Юрчук и писал свой роман "Московская богема". Юрчук связывался с комитетом по Букеровским премиям, но ему сказали, что не могут отступить от правил. В Антибукере сказали то же самое. Юрчук говорил, что все участники, не зависимо от результатов получают по 200 долларов, которые Юрчуку не помешали бы.

Так что тот путь, который Вы указываете мне, является для меня привлекательным и потому, что избавляет от массы проблем.

Я заканчиваю своё длинное письмо, которое является для меня одновременно и способом фиксировать некоторые события, так как дневники я не веду, боюсь, что их никто не будет читать.

В конце апреля ко мне заехал мой племянник Вадим, сын самого старшего брата Виктора и мы поехали в Гродно на 70-летний юбилей брата. Я не видел Вадима почти 10 лет, он привёз свой рассказ "День с похмелья". Его рассказы о Киеве и Украине очень интересны. Вадиму 45 лет, в прошлом он работал замдиректора по науке отраслевого НИИ стройматериалов, потом гендиректором большого объединения, не думал о научных званиях, но жизнь заставила, и он собирается пройти процедуру присвоения профессорского звания без защиты докторской диссертации. Для чего сделал за свои деньги монографию "Конструкционно-теплоизоляционные строительные материалы на активированном сырье". Младший сын Виктора Олег тоже оказался автором большого сборника нормативных документов и

комментариев к ним по таможенному законодательству. В какой-то момент обсуждения авторских прав я вдруг почувствовал к ним родство и по этому признаку.

Тем не менее, встреча оказалась довольно грустной, было высказано много упрёков друг другу и обвинений в недостаточном внимании. Для меня такая встреча была интересна и тем, что я увидел отношения со своими детьми через 20 лет. Слова Вадима: "Папа, ты за всю свою жизнь ни разу не сводил меня на рыбалку". Вадим, как и я, ездит со своим сыном на рыбную ловлю.

Всего Вам хорошего, до свидания.

Володя Опекунов

Моё письмо Ирине от 25 мая 2001 г.

Здравствуйтесь, дорогие доченька, Ваня, Миша, Алёша!

Попробую начать писать отчёт о поездке к Мите, но, боюсь, что быстро не получится из-за кучи всяких дел, накопившихся за время моего отсутствия, из которых главные - тексты всяких докладов и публикаций к назначенным срокам, которые должны были подготовить соавторы (Роман, Боря Худукон), ни хрена, конечно, не сделавшие.

Итак, утром **30-го апреля** я выехал поездом в Питер в плацкартном вагоне, где мирно учил немецкий и любовался ехавшими рядом на боковых полках ребятами, приехавшими в Мурманск на чемпионат России по боди-билдингу. Спокойные ребята, скромные. Один из них особенно был хорош, хотя горы его мышц и были прикрыты просторной фуфайкой. Боди-билдинг, видать, им денег не приносит, потому, наверное, и ехали на боковых в плацкартном.

На вокзале меня встретила мама, и мы с ней отправились сначала на Седова закинуть мои вещи в Андрюшкину квартиру, оттуда поехали на Фурштадтскую к американскому консульству узнать, когда оно работает (в связи с майскими праздниками, которые как-то совсем не ощущались на улицах, а ведь было **1-е мая!**), а оттуда в Сестрорецк, прикупив по дороге свежей корюшки. В Сестрорецке я сразу отправился к тётке Тамаре в больницу, а мама пошла для неё корюшки приготовить и прибежала в больницу через полчаса.

Здоровье тётки Тамары пошло на поправку и опасений не вызывало. Я ей подкинул денег, которые она приняла как само собой разумеющееся. Договорились окончательно насчёт завтрашней годовщины смерти дяди Вовы, отмечать которую по просьбе тётки Тамары было решено на кладбище, для чего мама уже почти всё приготовила: закупила водку, закуску, обзвонила всех, кого просила оповестить тётка Тамара. Кое-что прикупили ещё по дороге из больницы. Ночевали в тётки Тамариной квартире, где за ужином я объелся жареной корюшкой, дорвавшись до неё, наконец.

Корюшатники в водосливном канале в Сестрорецке, май 2001 г.

На следующий день ранним утром я бегал в Дубки по ясной солнечной погоде, которая, однако, вскоре испортилась: задул холодный ветер, набежали плотные облака, только что дождь не шёл. Пока позавтракали, приготовили бутерброды для кладбища, уж и время туда отправляться подошло. Пришли Валерка Пушке с Валеёй, которых мы просили помочь дотащить выпивку-закуску до кладбища, с ними и отправились туда к назначенному часу дня.

Собралось четырнадцать, кажется, человек, в основном женщин - не смогли придти Володя Куренной и Любин муж. Положили цветочки, помянули, выпили, закусили и через часик разошлись. Люба отвезла нас на своей «Оке» домой, а вскоре пришли Валерка с Валеёй, посидели с ними, покалякали, бутылку распили. Валерка рассказывал, как он корюшку пауком в Сестре ловит (речка вся была в эти дни перегорожена рыбаками, но корюшка не шла, и махали пауками они впустую) и как щуку недавно подцепил на полтора килограмма. Всё меня расспрашивали, когда я с Севера уезжать собираюсь.

- Не собираюсь, - говорю. - Не могу остановиться, работу бросить, аспирантов оставить.

Вечером к тётё Тамаре ходили, а потом я опять корюшкой объелся.

3-го мая рано утром я отправился из Сестрорецка в Питер в американское консульство за визой. Приехал минут за сорок до открытия, а там уже народ стоит, я двадцать вторым оказался. Внутри попал через полчаса после открытия, и эти час с лишним стояния очень утомили мою спину, что долго ещё потом давало о себе знать. Забавно, что при входе в консульство полицейские тщательно обыскивают каждого и у меня из сумки изъяли на временное хранение купленные одноразовые станки для бритья, но не заметили хлебного ножа, который я брал с собой в поезд.

В самом консульстве зато я управился весьма быстро. Мои бумажки особых вопросов не вызвали, и мне было назначено явиться за паспортом с визой в 16 часов следующего дня, то есть буквально накануне нашего вылета в Цюрих. Я вернулся в Сестрорецк, попрощались с тётёй Тамарой, я в последний раз объелся корюшкой, переночевали и утром перебрались в Питер.

Я закупил водку для Германии, пообедали и отправились в консульство за паспортом, оттуда пешочком по хорошей погоде прогулялись по набережной Невы через Летний сад (где съели по мороженому) до метро «Канал Грибоедова», и оттуда до метро «Кировский завод» в ДК имени Газа на концерт Олега Погудина, билеты на который загодя были приобретены мамой.

Сашуля с мороженым в Летнем саду, 4 мая 2001 г.

Погудина мы до сих пор видели и слышали только по ТВ, теперь вот сподобились живьём насладиться. Пел он всё подряд - романсы и песни разных времён и народов. Пел хорошо, но мешали восприятию усилители: громковато для его голоса и манеры. В зале преобладали женщины, завалившие его цветами. Мы купили в фойе один его диск для Мити и пару кассет для себя (в автомобиле слушать). После концерта пиво попили с Мариной - Андрюшкиной женой.

5-го мая утром я поменял лишние рубли на доллары (для Штатов), в 12.00 вышли из дому, на 114-м автобусе добрались до метро «Московская» и в 13.00 были в Пулковско-2. Около 14.00 началась регистрация, прошли по зелёному коридору, без проблем зарегистрировались и в 16.10 вылетели. Летели 2 часа 40 минут. В Цюрихе густейшая облачность, дождь. Митя встречал в аэропорту, тут же купили швейцарский сыр и тут же в аэропорту, спустившись этажом ниже, сели на поезд, оплатив билеты до Констанца через автомат моей кредитной карточкой, которую я впервые использовал за границей. На перроне Митя, воровато озираясь, сунул в мусорный ящик пустые бутылки из своего рюкзака, которые он забыл выкинуть в специальный контейнер у себя в Германии. Теперь пришлось в неправильный ящик их бросать.

В поезде вдруг выяснилось, что я в Питере взял билет себе до Мурманска не на тот поезд, которым возвращалась мама (мне она обратный билет не покупала, поскольку не было ясно, когда я управлюсь с визой). У мамы был плацкартный билет, который я предлагал сдать, чтобы вместе ехать в купейном вагоне. Мама не согласилась из экономии и предложила мне взять билет в её вагон №2 на 20-е мая, что я и сделал. Вот только номер поезда она мне не сказала, да я и сам забыл, что их два скорых до Мурманска, идут с разницей в три часа. В кассе у меня тоже не спросили, на какой скорый мне нужен билет, и дали на тот, который уходит позже. И вот это случайно выяснилось в разговоре в поезде Цюрих-Констанц. Я ужасно расстроился, разозлился даже на маму, хотя она была виновата не больше меня самого: одна не сказала, второй не спросил. Кто тогда мог знать, что, вернувшись в Питер, мы будем радоваться этой ошибке!

До Констанца ехали с одной пересадкой, буквально перепрыгнули с одного поезда на другой. В Констанце нас встречала Лена, которая привезла Митин паспорт (он забыл его дома), но паспорта и багаж ни у кого из нас не проверяли, хотя граница между Швейцарией и Германией (и, соответственно,

между Кройцлингенем и Констанцом) на вокзале функционирует, и таможенники там кого-то даже шмонали. Вокзал находится в самом центре города, от него до Митиного дома на автобусе минут двенадцать езды.

Квартира, которую снимают Митя с Леной, очень похожа на двухкомнатные апартаменты, в которых мы живали по нашему таймшеру: с миникухней и большим балконом, выходящим на дворовую лужайку и дома, стоящие в глубине улицы. В наличии холодильник, телевизор, видеомэгаффон и музыкальный центр, а также вся необходимая мебель, подаренная большей частью уехавшими в Штаты Ольгой и Берндтом, а также Гердом и Ангеликой из Вецлара.

За ужином употребили картофельную запеканку как типичное немецкое блюдо, шампанского выпили и клубничный торт частично осилили.

На следующий день, **6 мая**, полдня гуляли вчетвером по центру Констанца, включая посещение Мюнстера - главного городского собора. Множество домов датировано 14-м - 15-м веками, все в отличном состоянии. В Мюнстере кладку меняют, вынимая старые каменные блоки и вставляя взамен них новые. Погода пасмурная, но сухая и тихая, температура воздуха - градусов тринадцать тепла. Гулять очень приятно, хотя моей спине и тяжело вато ходить медленно.

В обед пасту (макароны) с креветками ели, запивая белым полусухим вином, а на ужин был сыр с виноградом и красным сухим.

На мосту через Рейн, Констанц, 6 мая 2001 г.

У памятника Империи в гавани Констанца, 6 мая 2001 г.

В районе гавани Констанца, 6 мая 2001 г,

В центре Констанца, 6 мая 2001 г.

7-го Митя водил нас по университету, весьма большому и живописно расположенному в северо-восточной части Констанца над прибрежной деревушкой Эгг, что напротив острова Майнау. В деревню эту сходили, домиками, цветочками полюбовались, пообедали вполне шикарно в университетской столовой, прошлись до общежитий, где Митя с Леной жили и тусовались, завершив обход лабораторией Ульриха, Митиной рабочей комнатой, знакомствами с Ульрихом, одобрительно о Мите отозвавшемся как о работяге, с Андреа - Митиной дипломницей и помощницей (не очень, впрочем, надёжной) и, наконец, с фрау Нашвиц, помогавшей с приглашением, которой были вручены сувениры - конфеты и платок павлово-посадский. Затем был заход в магазин за продуктами и вином, а вечером квазифилософская дискуссия с Леной на тему - рождается ли в споре истина (и что такое истина), в то время как Митя был опять на работе.

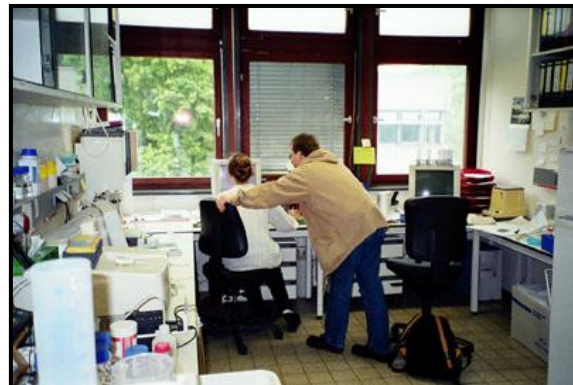
В университете Констанца, 7 мая 2001 г.

В деревне Эгг. 7 мая 2001 г.

В университетской столовой. 7 мая 2001 г.

В Митиной лаборатории. 7 мая 2001 г.